

По мнению П.А. Виноградова, терминология, относящаяся к «виртуальному пространству», еще не до конца сформирована в научной среде, но уверенно к объектам виртуального пространства, то есть «виртуальным объектам», можно причислить страницы в социальных сетях, пользовательские аккаунты, предметы и персонажей игр. Следовательно, тема виртуального пространства, тем более «виртуального объекта», является новшеством в научной среде и находится на начальном этапе исследования¹.

Представляется, что к объектам виртуальной реальности можно отнести любые виды криптовалют (например, биткойн, альткойн); социальные страницы физических лиц (в частности, «Одноклассники», «ВКонтакте», «Твиттер»); социальные страницы юридических лиц (а именно сообщества, официальные страницы); мессенджеры (например, «Ватсап», «Вайбер», «Телеграм»); игровые объекты (например, игровая программа, оружие, снаряжение, внутриигровые деньги, артефакты, персонажи и их атрибуты); личные кабинеты (в частности, «Госуслуги», «Мой налог», электронная почта).

Можно сделать вывод о том, что стремительно развивающееся общество готово к законодательной реформации интернет-пространства. Отсутствие легальной дефиниции «виртуальный объект» ставит под вопрос правильность результатов квалификации информационных преступлений. Как

представляется, уголовное законодательство должно адекватно реагировать на современные информационно-технологические вызовы, поскольку «изменяются социальные условия, лежащие в основе уголовно-правового запрета. Это влечет динамизм уголовного закона, который реагирует на появление новых отношений»².

Таким образом, имеется необходимость легальной дефиниции «виртуального объекта» путем внесения изменений в главу 28 «Преступления в сфере компьютерной информации», включения ст. 272.1 «Понятие и виды виртуального объекта».

Можно предположить следующую формулировку данной статьи: «Статья 272.1. Понятие и виды виртуального объекта.

1. Виртуальный объект – это элемент нематериального мира, созданный при помощи компьютерного кодирования, визуализация которого возможна только при помощи компьютерного (и приравненного к нему) устройства.

2. К объектам виртуальной реальности можно отнести: любые виды криптовалют; социальные страницы физических лиц; социальные страницы юридических лиц; мессенджеры; игровые объекты; личные кабинеты.»

При такой формулировке квалификация преступлений (например, по ст. 158 УК РФ) уже не будет вызывать трудностей, так как уголовно-правовая оценка будет опираться на легальную дефиницию.

Жукова С.С.,

кандидат юридических наук
Волгоградская академия МВД России

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА СОВЕРШЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 232 УК РФ

Одной из опасных форм распространения наркотических средств и психотропных веществ являются организация либо содержание притонов или систематическое предоставление помещений для их потре-

бления. Общественная опасность данного преступления состоит в том, что в потребление наркотических средств и психотропных веществ вовлекается неограниченный круг лиц. Данное общественно опасное де-

¹ Виноградов П.А. Понятие виртуального объекта и оборотоспособность виртуальных объектов в системе современного отечественного законодательства на примере интернет-сайта // Молодой ученый. 2017. № 15(149). С. 233.

² Уголовно-правовая политика в Российской Федерации : учебное пособие / С.М. Мальков, А.В. Шеслер, П.В. Тепляшин и др. Красноярск: СибЮИ МВД России, 2020. С. 31.

яние обуславливает маргинализацию населения и девиацию молодежи.

Говорить об эффективности противодействия распространению наркотических средств и психотропных веществ среди населения невозможно без точных формулировок уголовно-правовых норм. Согласимся, что «еще со времен римского права общеизвестно: 1) *res est misera ubi jus est vagum et incertum* (плохо дело, когда закон неясен и неопределен) и 2) *ubi jus incertum, ibi nullum* (если закон неопределен – закона нет)»¹. В настоящее время конструирование диспозиции ст. 232 УК РФ порождает трудности при квалификации соответствующего преступления.

Объективная сторона данного состава преступления характеризуется альтернативными действиями: организация притона, содержание притона и систематическое предоставление помещений для потребления наркотических средств и психотропных веществ. В постановлении Пленума Верховного Суда РФ в дефинициях «организация притона» и «содержание притона» закреплён перечень организационных и (или) активных действий нескольких лиц в целях последующего использования помещения для потребления наркотических средств и психотропных веществ. Однако отсутствие указания на юридическое назначение такого помещения обуславливает противоречивую правоприменительную деятельность.

Например, Г. привлечена к уголовной ответственности за организацию, содержание притона и систематическое предоставление помещения для потребления наркотических средств. Судом установлено, что Г. обустроила помещение кухни в принадлежащей ей квартире в целях изготовления наркотических средств. Осужденная неоднократно предоставляла указанное помещение, бытовую технику, посуду для незаконного изготовления наркотического сред-

ства, в частности контролировала прибытие лиц, склонных к потреблению наркотиков. Учитывая прямое назначение помещения, Камчатский краевой суд исключил из квалификации действия, связанные с организацией притона². Иной пример: Ф. осужден за содержание притона и систематическое предоставление помещения для потребления наркотических средств. В решении Пермского краевого суда указано, что суд первой инстанции не учел, что квартира, в которой проживал Ф., использовалась им по прямому назначению как жилое помещение. Судебная коллегия исключила из приговора осуждение Ф. за содержание притона³. Е. привлечен к уголовной ответственности за совершения преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 228, ч. 2 ст. 232 УК РФ. Вологодский областной суд отметил, что Е. использовал помещение по прямому назначению как жилое. В связи с этим действия осужденного не расцениваются как организация либо содержание притона, поскольку Е. целенаправленно не приспособлял помещение для изготовления и потребления наркотических средств⁴.

Таким образом, ограничительное толкование притона сокращает применение данной уголовно-правовой нормы, направленной на пресечение распространения наркотических средств и психотропных веществ. Анализ правоприменительной практики позволил сделать вывод о том, что при квалификации деяния, предусмотренного ст. 232 УК РФ, правоприменители акцентируют внимание на прямое назначение предоставленного помещения и факт проживания в нем лица не всегда учитывается надлежащим образом. С целью расширения территориального признака притона в доктрине уголовного права обосновывается необходимость внесения судебного разъяс-

¹ Намнясева В.В. Патология уголовного права: перспектива или реальность? // *Философия права*. 2017. № 3(82). С. 85-92.

² Обзор апелляционной практики Камчатского краевого суда по рассмотрению уголовных дел и иных материалов за 2 квартал 2021 г. // Камчатский краевой суд. URL: http://oblsud.kam.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=2909 (дата обращения: 16.02.2023).

³ Обзор апелляционной практики по уголовным делам Пермского краевого суда за 2 полугодие 2021 г. // Пермский краевой суд. URL: http://oblsud.perm.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=874 (дата обращения: 16.02.2023).

⁴ Обзор судебной практики Вологодского областного суда за 2 полугодие 2019 г. // Вологодский областной суд. URL: http://oblsud.vld.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=443 (дата обращения: 16.02.2023).

нения определения «притон»¹ и уточнения признаков помещений, предоставляемых для потребления наркотических средств или психотропных веществ².

Вместе с тем ст. 232 УК РФ регламентирует ответственность за систематическое предоставление помещения для потребления наркотических средств и психотропных веществ. Согласно примечанию к ст. 232 УК РФ, под систематическим предоставлением понимается предоставление помещений более двух раз. Однако нерешенным является вопрос о временном периоде, принимаемом в расчет при оценке признака систематичности предоставления помещения для потребления наркотических средств и психотропных веществ. По мнению А.С. Берсанова, оптимальным периодом для установления системности является предоставление помещения не менее трех раз в течение одного календарного года³. Возникает вопрос о юридической оценке деяния, если помещение впервые предоставлено было в декабре прошлого года, а

последующие два раза помещение предоставлялось в текущем году.

В настоящее время как в нормативной базе, так и в правоприменительной практике отсутствует указание на период времени, учитываемый при определении систематичности предоставления помещения для потребления наркотических средств и психотропных веществ: в течение календарного года или в течение года, исчисляемого с момента первого предоставления помещения.

В целях эффективного и единообразного применения уголовного законодательства, регламентирующего ответственность за незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ, необходимо исключить оценочные категории. Вместе с тем наряду с количественной характеристикой систематичности предоставления помещения для потребления наркотических средств и психотропных веществ необходимо установить временные границы, учитываемые при квалификации общественно опасного деяния.

Антонова Е.Ю.,

доктор юридических наук, профессор

Дальневосточный юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации
(г. Владивосток)

НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ НАРКОТИКОВ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ: ВОПРОСЫ ПРАВОВОЙ ОЦЕНКИ И ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ

В Стратегии национальной безопасности РФ⁴ среди задач по обеспечению государственной и общественной безопасности выделяется предупреждение / пресечение преступлений, совершаемых с использованием цифровых технологий, в том числе организации незаконного сбыта наркотических средств и психотропных веществ.

Общественная опасность незаконного сбыта наркотиков заключается в том, что они посягают на здоровье населения. В 2021 г. в России общее число пациентов с психическими и поведенческими расстройствами, связанными с употреблением наркотиков, составило 388,4 тыс. (+1,8%; 2020 г. – 381,5 тыс.), из них 227,4 тыс. – с диагнозом «синдром зависимости» (+1,5%;

¹ Мальков С.М. Уголовно-правовое понятие притонов для потребления наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов // Современное право. 2016. № 9. С. 106-109.

² Шумилин С.Ф., Степанюк О.С., Степанюк А.В. Уголовная ответственность за систематическое предоставление помещений для потребления наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов (статья 232 УК РФ) // Всероссийский криминологический журнал. 2014. №4. С. 93-103.

³ Берсанов А.С. Уголовная ответственность за организацию либо содержание притонов или систематическое предоставление помещений для потребления наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. С. 76-77.

⁴ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации : утв. Указом Президента РФ от 02.07.2021 № 400 // СПС «КонсультантПлюс».